

Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил

Салтыков-Щедрин

Жили да были два генерала, и так как оба были легкомысленны, то в скором времени, по щучьему велению, по моему хотению, очутились на необитаемом острове.

Служили генералы всю жизнь в какой-то регистратуре; там родились, воспитались и состарились, следовательно, ничего не понимали. Даже слов никаких не знали, кроме: "Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности".

Упразднили регистратуру за ненужностью и выпустили генералов на волю. Оставшись за штатом, поселились они в Петербурге, в Подъяческой улице на разных квартирах; имели каждый свою кухарку и получали пенсию. Только вдруг очутились на необитаемом острове, проснулись и видят: оба под одним одеялом лежат. Разумеется, сначала ничего не поняли и стали разговаривать, как будто ничего с ними и не случилось.

- Странный, ваше превосходительство, мне нынче сон снился, - сказал один генерал, - вижу, будто живу я на необитаемом острове...

Сказал это, да вдруг как вскочит! Вскочил и другой генерал.

- Господи! Да что ж это такое! Где мы! - вскрикнули оба не своим голосом.

И стали друг друга ощупывать, точно ли не во сне, а наяву с ними случилась такая оказия. Однако, как ни старались уверить себя, что все это не больше как сновидение, пришлось убедиться в печальной действительности.

Перед ними с одной стороны расстилалось море, с другой стороны лежал небольшой клочок земли, за которым стлалось все тоже безграничное море. Заплакали генералы в первый раз после того, как закрыли регистратуру.

Стали они друг друга рассматривать и увидели, что они в ночных рубашках, а на шеях у них висит по ордену.

- Теперь бы кофейку испить хорошо! - молвил один генерал, но вспомнил,

какая с ним неслыханная штука случилась, и во второй раз заплакал.

- Что же мы будем, однако, делать? - продолжал он сквозь слезы, - ежели теперича доклад написать - какая польза из этого выйдет?

- Вот что, - отвечал другой генерал, - подите вы, ваше превосходительство, на восток, а я пойду на запад, а к вечеру опять на этом месте сойдемся; может быть, что-нибудь и найдем.

Стали искать, где восток и где запад. Вспомнили, как начальник однажды говорил: "Если хочешь сыскать восток, то встань глазами на север, и в правой руке получишь искомое". Начали искать севера, становились так и сяк, перепробовали все страны света, но так как всю жизнь служили в регистратуре, то ничего не нашли.

- Вот что, ваше превосходительство: вы пойдите направо, а я налево; этак-то лучше будет! - сказал один генерал, который, кроме регистратуры, служил еще в школе военных кантонистов учителем каллиграфии и, следовательно, был поумнее.

Сказано - сделано. Пошел один генерал направо и видит - растут деревья, а на деревьях всякие плоды. Хочет генерал достать хоть одно яблоко, да все так высоко висят, что надобно лезть. Попробовал полезть - ничего не вышло, только рубашку изорвал. Пришел генерал к ручью, видит: рыба там, словно в садке на Фонтанке, так и кишит, и кишит.

"Вот кабы этакой-то рыбки да на Подьяческую!" - подумал генерал и даже в лице изменился от аппетита.

Зашел генерал в лес - а там рябчики свищут, тетерева токуют, зайцы бегают.

- Господи! еды-то! еды-то! - сказал генерал, почувствовав, что его уже начинает тошнить.

Делать нечего, пришлось возвращаться на условленное место с пустыми руками. Приходит, а другой генерал уж дожидается.

- Ну что, ваше превосходительство, промыслил что-нибудь?

- Да вот нашел старый нумер "Московских ведомостей", и больше ничего!

Легли опять спать генералы, да не спится им натошак. То беспокоит их мысль, кто за них будет пенсию получать, то припоминаются виденные днем

плоды, рыбы, рябчики, тетерева, зайцы.

- Кто бы мог думать, ваше превосходительство, что человеческая пища, в первоначальном виде, летает, плавает и на деревьях растет? - сказал один генерал.

- Да, - отвечал другой генерал, - признаться, и я до сих пор думал, что булки в том самом виде рождаются, как их утром к кофею подают!

- Стало быть, если, например, кто хочет куропатку съесть, то должен сначала ее изловить, убить, ощипать, изжарить... Только как все это сделать?

- Как все это сделать? - словно эхо, повторил другой генерал.

Замолчали и стали стараться заснуть; но голод решительно отгонял сон. Рябчики, индейки, поросята так и мелькали перед глазами, сочные, слегка подрумяненные, с огурцами, пикулями и другим салатом.

- Теперь я бы, кажется, свой собственный сапог съел! - сказал один генерал.

- Хороши тоже перчатки бывают, когда долго ношены! - вздохнул другой генерал.

Вдруг оба генерала взглянули друг на друга: в глазах их светился зловещий огонь, зубы стучали, из груди вылетало глухое рычание. Они начали медленно подползать друг к другу и в одно мгновение ока остервенились. Полетели клочья, раздался визг и оханье; генерал, который был учителем каллиграфии, откусил у своего товарища орден и немедленно проглотил. Но вид текущей крови как будто образумил их.

- С нами крестная сила! - сказали они оба разом, - ведь этак мы друг друга съедем! И как мы попали сюда! Кто тот злодей, который над нами такую штуку сыграл!

- Надо, ваше превосходительство, каким-нибудь разговором развлечься, а то у нас тут убийство будет! - проговорил один генерал.

- Начинайте! - отвечал другой генерал.

- Как, например, думаете вы, отчего солнце прежде восходит, а потом заходит, а не наоборот?

- Странный вы человек, ваше превосходительство: но ведь и вы прежде встаете, идете в департамент, там пишите, а потом ложитесь спать?

- Но отчего же не допустить такую перестановку; сперва ложусь спать, вижу различные сновидения, а потом встаю?

- Гм... да... А я, признаться, как служил в департаменте, всегда так думал: "Вот теперь утро, а потом будет день, а потом подадут ужинать - и спать пора!"

Но упоминание об ужине обоих повергло в уныние и пресекло разговор в самом начале.

- Слышал я от одного доктора, что человек может долгое время своими собственными соками питаться, - начал опять один генерал.

- Как так?

- Да так-с. Собственные свои соки будто бы производят другие соки, эти, в свою очередь, еще производят соки, и так далее, покуда, наконец, соки совсем не прекратятся...

- Тогда что ж?

- Тогда надобно пищу какую-нибудь принять...

- Тьфу!

Одним словом, о чем ни начинали генералы разговор, он постоянно сводился на воспоминание об еде, и это еще более раздражало аппетит. Положили: разговоры прекратить, и, вспомнив о найденном номере "Московских ведомостей", жадно принялись читать его.

"Вчера, - читал взволнованным голосом один генерал, - у почтенного начальника нашей древней столицы был парадный обед. Стол сервирован был на сто персон с роскошью изумительною. Дары всех стран назначили себе как бы рандеву на этом волшебном празднике. Тут была и "шекснинска стерлядь золотая" [из стихотворения Г.Р.Державина "Приглашение к обеду"], и питомец лесов кавказских, - фазан, и, столь редкая в нашем севере в феврале месяце, земляника..."

- Тьфу ты, господи! Да неужто ж, ваше превосходительство, не можете

найти другого предмета? - воскликнул в отчаянии другой генерал и, взяв у товарища газету, прочел следующее:

"Из Тулы пишут: вчерашнего числа, по случаю поимки в реке Упе осетра (происшествие, которого не запомнят даже старожилы, тем более что в осетре был опознан частный пристав Б.), был в здешнем клубе фестиваль. Виновника торжества внесли на громадном деревянном блюде, обложенного огурчиками и держащего в пасти кусок зелени. Доктор П., бывший в тот же день дежурным старшиною, заботливо наблюдал, дабы все гости получили по куску. Подливка была самая разнообразная и даже почти прихотливая..."

- Позвольте, ваше превосходительство, и вы, кажется, не слишком осторожны в выборе чтения! - прервал первый генерал и, взяв, в свою очередь, газету, прочел:

"Из Вятки пишут: один из здешних старожилы изобрел следующий оригинальный способ приготовления ухи: взяв живого налима, предварительно его высечь; когда же, от огорчения, печень его увеличится..."

Генералы поникли головами. Все, на что бы они ни обратили взоры, - все свидетельствовало об еде. Собственные их мысли злоумышляли против них, ибо как они ни старались отгонять представления о бифштексах, но представления эти пробивали себе путь насильственным образом.

И вдруг генерала, который был учителем каллиграфии, озарило вдохновение...

- А что, ваше превосходительство, - сказал он радостно, - если бы нам найти мужика?

- То есть как же... мужика?

- Ну, да, простого мужика... какие обыкновенно бывают мужики! Он бы нам сейчас и булок бы подал, и рябчиков бы наловил, и рыбы!

- Гм... мужика... но где же его взять, этого мужика, когда его нет?

- Как нет мужика - мужик везде есть, стоит только поискать его! Наверное, он где-нибудь спрятался, от работы отлынивает!

Мысль эта до того ободрила генералов, что они вскочили как встрепанные и

пустились отыскивать мужика.

Долго они бродили по острову без всякого успеха, но, наконец, острый запах мякинного хлеба и кислой овчины навел их на след. Под деревом, брюхом кверху и подложив под голову кулак, спал громаднейший мужичина и самым нахальным образом уклонялся от работы. Негодованию генералов предела не было.

- Спишь, лежебок! - накинулись они на него, - небось и ухом не ведешь, что тут два генерала вторые сутки с голода умирают! Сейчас марш работать!

Встал мужичина: видит, что генералы строгие. Хотел было дать от них стрелка, но они так и закоченели, вцепившись в него.

И зачал он перед ними действовать.

Полез сперва-наперво на дерево и нарвал генералам по десятку самых спелых яблоков, а себе взял одно, кислое. Потом покопался в земле - и добыл оттуда картофелю; потом взял два куска дерева, потер их друг об дружку - и извлек огонь. Потом из собственных волос сделал силок и поймал рябчика. Наконец, развел огонь и напек столько разной провизии, что генералам пришло даже на мысль: "Не дать ли и тунеядцу частичку?"

Смотрели генералы на эти мужицкие старания, и сердца у них весело играли. Они уже забыли, что вчера чуть не умерли с голоду, а думали: "Вот как оно хорошо быть генералами - нигде не пропадешь!"

- Довольны ли вы, господа генералы? - спрашивал между тем мужичина-лежебок.

- Довольны, любезный друг, видим твое усердие! - отвечали генералы.

- Не позволите ли теперь отдохнуть?

- Отдохни, дружок, только свей прежде веревочку.

Набрал сейчас мужичина дикой конопля, размочил в воде, поколотил, помял - и к вечеру веревка была готова. Эту веревочку генералы привязали мужичину к дереву, чтоб не убежал, а сами легли спать.

Прошел день, прошел другой; мужичина до того изловчился, что стал даже в пригоршне суп варить. Сделались наши генералы веселые, рыхлые, сытые, белые. Стали говорить, что вот они здесь на всем готовом живут, а в

Петербурге между тем пенсии ихние все накапливаются да накапливаются.

- А как вы думаете, ваше превосходительство, в самом ли деле было вавилонское столпотворение или это только так, одно иносказание? - говорит, бывало, один генерал другому, позавтракавши.

- Думаю, ваше превосходительство, что было в самом деле, потому что иначе как же объяснить, что на свете существуют разные языки!

- Стало быть, и потоп был?

- И потоп был, потому что, в противном случае, как же было бы объяснить существование допотопных зверей? Тем более, что в "Московских ведомостях" повествуют...

- А не почитать ли нам "Московских ведомостей"?

Сыщут номер, усядутся под тенью, прочтут от доски до доски, как ели в Москве, ели в Туле, ели в Пензе, ели в Рязани - и ничего, не тошнит!

Долго ли, коротко ли, однако генералы соскучились. Чаше и чаше стали они припоминать об оставленных ими в Петербурге кухарках и втихомолку даже поплакивали.

- Что-то теперь делается в Подьяческой, ваше превосходительство? - спрашивал один генерал другого.

- И не говорите, ваше превосходительство! Все сердце изныло! - отвечал другой генерал.

- Хорошо-то оно хорошо здесь - слова нет! А все, знаете, как-то неловко барашку без ярочки! Да и мундира тоже жалко!

- Еще как жалко-то! Особливо, как четвертого класса, так на одно шитье посмотреть, голова закружится!

И начали они нудить мужика: представь да представь их в Подьяческую! И что ж! Оказалось, что мужик знает даже Подьяческую, что он там был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало!

- А ведь мы с Подьяческой генералы! - обрадовались генералы.

- А я, коли видели: висит человек снаружи дома, в ящике на веревке, и стену краской мажет, или по крыше словно муха ходит - это он самый я и есть! -

отвечал мужик.

И начал мужик на бобах разводить, как бы ему своих генералов порадовать за то, что они его, тунеядца, жаловали и мужицким его трудом не гнушались! И выстроил он корабль - не корабль, а такую посудину, что можно было океан-море переплыть вплоть до самой Подьяческой.

- Ты смотри, однако, каналья, не утопи нас! - сказали генералы, увидев покачивавшуюся на волнах ладью.

- Будьте покойны, господа генералы, не впервой! - отвечал мужик и стал готовиться к отъезду.

Набрал мужик пуху лебяжьего мягкого и устлал им дно лодочки. Устлавши, уложил на дно генералов и, перекрестившись, поплыл. Сколько набрались страху генералы во время пути от бурь да от ветров разных, сколько они ругали мужичину за его тунеядство - этого ни пером описать, ни в сказке сказать. А мужик все гребет да гребет, да кормит генералов селедками.

Вот, наконец, и Нева-матушка, вот и Екатерининский славный канал, вот и Большая Подьяческая! Всплеснули кухарки руками, увидевши, какие у них генералы стали сытые, белые да веселые! Напились генералы кофею, наелись сдобных булок и надели мундиры. Поехали они в казначейство, и сколько тут денег загребли - того ни в сказке сказать, ни пером описать!

Однако и об мужике не забыли; выслали ему рюмку водки да пятак серебра: веселись, мужичина!